ЕЛИЗАВЕТА ХОЛОДНАЯ

ВОСЬМАЯ СЕСТРА

МИСТИКА

Елизавета Холодная

Восьмая сестра

«Автор»
2026

Холодная Е.

Восьмая сестра / Е. Холодная — «Автор», 2026

Высоток в Москве семь. По постановлению сорок седьмого года их должно было быть восемь: восьмая, самая высокая, в Зарядье. Её не достроили, но фундамент остался — четырнадцать тысяч метров под парком, без адреса и без собственника. Варвара Волкова находит договор на электричество, который кто-то исправно оплачивает с двухтысячного второго года. Сто восемьдесят киловатт. Круглосуточно.

© Холодная Е., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Вместо предисловия 5
Пролог. Восемь 6
Часть первая. Дом, которого нет 8
Глава 2. Дело № 1. Запись 1134 12
Глава 3. Зарядье 15
Глава 4. Соня 18
Глава 5. Дело № 118. Лифт 22
Конец ознакомительного фрагмента. 23

Елизавета Холодная
Восьмая сестра

Вместо предисловия

В Москве семь высотных зданий.

Их полагалось построить восемь. Постановление от тринадцатого января тысяча девятьсот сорок седьмого года перечисляло восемь адресов, и восьмым в этом перечислении стояло административное здание в Зарядье — самое высокое из всех, тридцать два этажа, на берегу реки, напротив Кремля.

Его начали. Вырыли котлован, вбили сваи, залили стилобат, подвели коммуникации, поставили часть стального каркаса. Потом работы остановили, каркас разобрали и вывезли, а котлован со стилобатом оставили как есть.

В тысяча девятьсот шестьдесят седьмом году на этом стилобате открыли гостиницу «Россия». В две тысячи шестнадцатом гостиницу снесли. В две тысячи семнадцатом на том же месте открыли парк «Зарядье».

Фундамент дома, которого никогда не было, лежит там до сих пор.

Всё остальное в этой книге придумано.

Отдела «Г» не существует. Протокола «Медуза» не существует. Названных в книге людей, учреждений, веществ, адресов, дел и номеров не существует. Совпадения имён и должностей с реальными случайны.

Автор благодарит читателя за то, что тот до последней страницы будет считать, будто дело в чём-то потустороннем.

Дело не в этом.

Пролог. Восемь

Второго февраля тысяча девятьсот пятьдесят третьего года, в двадцать минут первого ночи, проходчик Степан Фомич Гуляев вышел из штольни на поверхность и сел на бетонную плиту, потому что идти дальше у него не получалось.

Штольня была вспомогательная. Её били не под метро — под восьмое здание, с южной стороны котлована, для отвода грунтовых вод. Длина двести двадцать метров, крепление деревянное, освещение гирляндой на сорок лампочек, из которых горело двадцать шесть.

Гуляеву было двадцать девять лет. Он работал в этой штольне с августа и знал в ней каждую стойку.

Наверху была зима и минус двадцать два, и над котлованом стояли четыре прожектора на столбах, и в их свете шёл редкий сухой снег.

К Гуляеву подошёл сменный мастер Коростылёв.

— Стёпа, — сказал он. — Ты чего сидишь.

Гуляев не ответил.

— Стёпа.

— Коростылёв, — сказал Гуляев. — Я её видел.

Коростылёв присел на корточки и посмотрел ему в лицо.

Лицо у Гуляева было такое, что Коростылёв потом тридцать лет не мог его забыть и один раз, в восемьдесят третьем году, в Казани, на свадьбе внучки, напился и стал про это рассказывать, и его увели.

— Где, — сказал Коростылёв.

— На сто восьмидесятом, — сказал Гуляев. — Где поворот.

— Как?

— Стоит, — сказал Гуляев. — В белом. Высокая. Выше меня. Спиной. — Пауза. — Коростылёв, у неё волосы шевелились. Там нет ветра. Там за поворотом тупик и глина. Там нет ветра, Коростылёв, я там восьмой месяц работаю.

Коростылёв молчал.

— Я ей сказал: «Эй», — сказал Гуляев. — Я ей сказал «эй», потому что я подумал, что это кто-то из второй смены шутит. Что это Витька натянул халат.

— И?

— Она повернулась, — сказал Гуляев.

Он поднял руки и посмотрел на них. Руки у него дрожали, и он их опустил.

— Я пошёл назад, — сказал он. — Я шёл сто восемьдесят метров и считал стойки, чтобы не побежать. Я досчитал до шестидесяти четырёх и побежал.

Коростылёв поднялся.

— Стёпа, — сказал он. — Иди в бытовку. Я Ванину скажу, он тебя домой отвезёт.

— Коростылёв.

— Что.

Гуляев посмотрел на него снизу.

— Ты же знал, — сказал он. — Нам же в сентябре на инструктаже говорили. Про восьмую сестру. Помнишь? Пришёл человек из управления, в пальто, и полтора часа рассказывал. Что тут семь домов строят, а восьмой — вот этот, и что он не восьмой, а она восьмая, и что она тут была до котлована. И что её видели в сорок девятом, когда сваи били. — Пауза. — Я тогда смеялся. Я тогда громче всех смеялся, Коростылёв. Я на обеде сказал — ну и напугали, тётка в простыне.

Коростылёв стоял, засунув руки в рукава.

— Я помню инструктаж, — сказал он.

— Он нам её описал, — сказал Гуляев. — Он сказал: высокая, в белом, волосы как в воде. Он нам это сказал в сентябре, Коростылёв. А я её увидел сегодня. И она такая.

Снег шёл над котлованом, и в свете прожекторов было видно, как он не падает прямо, а идёт боком, потому что из котлована поднимался тёплый воздух.

— Иди в бытовку, — сказал Коростылёв.

* * *

Гуляева отвезли домой в половине второго.

В три часа ночи его жена Антонина разбудила соседей, потому что у Степана Фомича выгнуло спину.

Он лежал на полу в коридоре, упираясь затылком и пятками, и кисти у него были прижаты к груди и не разжимались, и он не мог ни вдохнуть, ни сказать. Соседка побежала за телефоном на угол. Врач приехал в четыре двадцать.

В акте было записано: смерть наступила в четыре часа десять минут, причина — острая сердечная недостаточность.

В пятьдесят третьем году это писали часто и не глядя.

* * *

Четвёртого февраля в управление пришла бумага.

Она была на четверть листа, без номера, и состояла из одного абзаца:

«По факту происшествия на объекте 8 (штольня южная, пикет 180) в ночь на 02.02. Опрос лиц смены не производить до 05.02. Акт медицинский оформлен по месту обращения, изменений не требует. Ознакомление личного состава считать проведённым, повторного не требуется. Материал направить по подведомственности.»

Подписи не было.

Сменный мастер Коростылёв расписался в ознакомлении, вышел в коридор и закурил у окна.

За окном был котлован, и в котловане работали два экскаватора и триста человек, и над всем этим стоял кран, и всё это должно было стать самым высоким домом в городе.

Через два месяца стройку остановили.

Через четырнадцать лет на стилобате открыли гостиницу.

Через шестьдесят четыре года на том же месте разбили парк, и в первый выходной по нему прошло сорок две тысячи человек, и все они фотографировались на мосту, который висит над рекой и обрывается в воздухе.

А штольня на сто восьмидесятом пикете никуда не делась.

Её просто заложили кирпичом с двух концов, и в документах по сносу гостиницы она не значилась, потому что в документах по сносу гостиницы значилось только то, что относилось к гостинице.

Штольня относилась к дому, которого нет.

Часть первая. Дом, которого нет
Глава 1. Счёт за электричество

Лето в подвале на Котельнической не чувствовалось никак.

Там было плюс четырнадцать в июле и плюс двенадцать в январе, и единственное, по чему можно было понять время года, — это Марфа Семёновна. Зимой она ходила в двух кофтах, летом в одной, и это был весь климат Отдела «Г».

Двадцать третьего июля двадцать седьмого года Варвара Николаевна Волкова сидела в кабинете номер семь и четвёртый час читала документы энергосбытовой компании.

Их было триста двадцать листов. Их добывала Морозова через запрос, и запрос ушёл в апреле, а ответ пришёл в июле, и в ответе было ровно то, что Варвара просила, и ничего больше.

Договор энергоснабжения номер 4-11-0062.

Дата заключения: первое марта две тысячи второго года.

Абонент: жилищно-эксплуатационная организация номер одиннадцать Центрального района.

Объект энергоснабжения: «техническое помещение, Москва, без адреса, присоединение от трансформаторной подстанции № 1142, кабельная линия КЛ-0,4 кВ, протяжённость 310 м».

Максимальная мощность: сто восемьдесят киловатт.

Варвара дважды подчеркнула последнюю строчку.

Сто восемьдесят киловатт — это не техническое помещение. Это производство. Девятиэтажный жилой дом на восемь подъездов потребляет меньше.

Она взяла следующий лист.

Показания по годам. Две тысячи второй — сто двенадцать тысяч киловатт-часов. Две тысячи третий — сто девятнадцать. Дальше ровно, год за годом, с колебанием в три-четыре процента, двадцать четыре года подряд.

Сто двадцать тысяч киловатт-часов в год — это примерно четырнадцать киловатт в каждую секунду, круглосуточно, без выходных, с первого марта две тысячи второго по тридцатое июня двадцать седьмого.

Четырнадцать киловатт непрерывно — это компрессоры.

Варвара отложила лист и посмотрела в стену.

В стене напротив стола висела схема московского метро пятьдесят четвёртого года, которую повесил её отец и которую она не стала снимать. Левый нижний угол схемы отклеился и загибался.

— Холодильник, — сказала она вслух.

Она взяла лист с платежами.

Платежи шли без единой просрочки. Ни одного дня задолженности за двадцать пять лет. Плательщик — та же жилищно-эксплуатационная организация номер одиннадцать.

Варвара перевернула лист.

Жилищно-эксплуатационная организация номер одиннадцать Центрального района была ликвидирована двадцать восьмого сентября две тысячи шестого года.

Она прочитала это трижды.

Потом вернулась к платежам и посмотрела на две тысячи седьмой год.

Платежи шли. Февраль, март, апрель, май. Без просрочки. От имени организации, которой двадцать один год не существовало.

* * *

— Это бывает, — сказала Морозова.

Она сидела напротив, в кабинете номер семь, на том же стуле, на котором сидела в феврале и в марте, и за полгода стул под ней стал её стулом, и когда на него садился Костя, Марфа Семёновна говорила: «Встань, это Евин».

— Что бывает?

— Что платят за ликвидированное лицо, — сказала Морозова. — Сплошь и рядом. Расчётный счёт закрывают не сразу, иногда висит годами, кто-то кладёт туда деньги и платит. Это не криминал, это бардак.

— Двадцать один год, Ева.

— Двадцать один год — это много, — согласилась Морозова.

— И кто кладёт деньги?

Морозова достала из папки ещё лист.

— Я запросила, — сказала она. — Платежи с две тысячи седьмого идут не со счёта организации. Они идут через платёжного агента. Это такая конторка, которая принимает наличные и переводит куда скажут, за процент.

— Наличные.

— Наличные, — сказала Морозова. — Двенадцать раз в год. Приходит человек, платит за месяц, уходит. По закону агент обязан установить личность при сумме свыше пятнадцати тысяч рублей. Там всегда меньше пятнадцати.

Варвара медленно откинулась на спинку.

— Всегда меньше, — сказала она. — Двадцать лет.

— Двадцать лет.

— Это не бардак.

— Это не бардак, — сказала Морозова. — Это человек, который читал закон и платит так, чтобы его не спрашивали, как его зовут.

Варвара встала и прошла по кабинету от стола к стене и обратно. Четыре шага туда, четыре обратно. Она делала это, когда думала, и Лебедев однажды сказал, что у неё в кабинете скоро протрётся дорожка, и Варвара ответила, что дорожка уже есть и что её протёр не она.

— А на основании чего он платит? — сказала она. — Он же приходит и говорит: вот деньги за объект номер такой-то. Чтобы агент это принял, нужна бумага. Что он предъявляет?

Морозова открыла последнюю страницу.

— Доверенность, — сказала она.

— Чья?

— Это самое интересное, — сказала Морозова. — Доверенность от первого марта две тысячи второго года, удостоверена нотариусом города Москвы, реестровый номер есть. Выдана жилищно-эксплуатационной организацией номер одиннадцать на право совершения платежей по договору 4-11-0062.

— На имя?

— В копии, которая у агента, имя закрыто, — сказала Морозова. — Там наклейка. Буквально наклейка, Варвара Николаевна, белая полоска, приклеенная на копию в двухтысячном втором году и за двадцать пять лет уже пожелтевшая.

Варвара села.

— А срок?

— Срок есть, — сказала Морозова. — Двадцать пять лет. Это, кстати, незаконно — по нашему праву доверенность на такой срок не выдаётся. Но в двухтысячном втором действовала другая редакция, и тогда три года было максимумом, и этот срок тоже не лез. — Пауза. — Её бы отменил любой суд. Только никто никогда не обращался в суд, потому что никто про неё не знал.

— Когда истекает?

Морозова посмотрела на лист.

— Девятнадцатого декабря двадцать седьмого года, — сказала она.

Варвара очень долго молчала.

— Через пять месяцев, — сказала она наконец.

— Через четыре месяца и двадцать семь дней.

— И двадцатого декабря никто больше не придёт платить.

— И двадцатого декабря никто больше не придёт платить, — сказала Морозова. — А потом, по регламенту, через шестьдесят дней задолженности энергосбыт отключит объект без адреса от трансформаторной подстанции номер тысяча сто сорок два.

Варвара положила ладони на отцовский стол.

Стол был дубовый, сорок девятого года, с двумя тумбами и выжженным кругом от чайника в левом верхнем углу, и она знала каждую царапину на нём, потому что просидела за ним семь месяцев.

— Ева, — сказала она. — Что лежит при минус семидесяти и чего восемьдесят одна единица.

Морозова не ответила.

— Если компрессоры встанут в феврале, — сказала Варвара, — то к марту там будет минус пятнадцать, а к апрелю плюс четыре.

— Я знаю.

— Сосуды Дьюара держат без питания двое суток. Промышленная камера — неделю. — Пауза. — Через неделю оно начнёт оттаивать.

— Варвара Николаевна, — сказала Морозова, — я знаю. Я поэтому и не спала.

* * *

Она пошла к Лебедеву в семь вечера.

Он сидел в своём кабинете, в котором сидел с восемьдесят третьего года и в котором с февраля стояло кресло, привезённое Семёнычем из дома, потому что врачи запретили Лебедеву сидеть на жёстком.

Ему было восемьдесят шесть. Он похудел за год на одиннадцать килограммов, и воротник рубашки стал ему велик, и он поэтому носил галстук, чего не делал тридцать лет.

— Пётр Аркадьевич.

— Садитесь.

Варвара села и положила перед ним один лист — тот, с мощностью.

Лебедев читал его минуту.

Потом снял очки.

— Сто восемьдесят киловатт, — сказал он.

— Да.

— Варвара Николаевна, в пятьдесят четвёртом году вся наша подстанция давала девяносто.

— Я знаю.

Лебедев положил очки на стол, рядом с очками, которые уже там лежали, — у него их было три пары, и он всё время терял одну и находил две.

— Где это? — сказал он.

— Присоединение от подстанции тысяча сто сорок два, — сказала Варвара. — Кабельная линия триста десять метров. Подстанция стоит на Москворецкой набережной. Я посмотрела схему.

— И что в трёхсот десяти метрах от Москворецкой набережной?

— Зарядье, — сказала Варвара.

Лебедев сидел неподвижно.

Потом взял очки, надел и снова посмотрел на лист, как будто там могло быть написано что-то другое.

— Парк? — сказал он.

— Парк сверху, — сказала Варвара. — Под парком стилобат гостиницы «Россия». Под стилобатом гостиницы «Россия» — стилобат восьмого здания. Тридцать два этажа, Пётр Аркадьевич. Его начали в сорок девятом и остановили в пятьдесят третьем. Фундамент никуда не убирали — на нём стояла гостиница, а когда гостиницу снесли, на нём разбили парк.

Лебедев очень осторожно положил лист на стол и прижал его ладонью, как будто тот мог улететь.

— Восьмое здание, — сказал он.

— Да.

— Варвара Николаевна. — Он посмотрел на неё. — Отдел «Г» создан в мае пятьдесят третьего. Я пришёл сюда мальчиком в октябре пятьдесят третьего, с отцом. Мне было двенадцать лет. — Пауза. — Я сорок три года ищу приложение к пункту двенадцать.

— Я помню.

— Я искал бумагу, — сказал Лебедев. — Я всю жизнь искал лист с адресом. И мне ни разу, ни единого раза за сорок три года не пришло в голову, что адреса может не быть, потому что дома не построили.

Он снял очки и потёр глаза большим и указательным пальцем — очень старым жестом, который Варвара видела у него, наверное, тысячу раз.

— Семь домов, — сказал он. — Семь сестёр. Так их называют с шестидесятых, это пошло от студентов архитектурного. Семь сестёр. — Он опустил руку. — А восьмая?

Варвара достала из папки второй лист.

Это была фотокопия. Плохая, с полосами, снятая с микрофильма: справка управления строительства, февраль пятьдесят третьего, о ходе работ по объекту.

В правом верхнем углу машинкой было отбито:

«Объект № 8»

И ниже, от руки, чернилами, другим почерком, с нажимом, какой бывает, когда пишут быстро и без удовольствия:

«восьмая сестра»

— Так его называли на стройке, — сказала Варвара. — Я нашла это в фонде управления, в Царицыне, за три дня. Это не секрет и никогда не было секретом. Это просто никому не было нужно.

Лебедев смотрел на фотокопию.

— Восьмая сестра, — сказал он.

— Пётр Аркадьевич, — сказала Варвара. — Я хочу туда.

Лебедев не ответил.

— Я хочу туда, — повторила она. — И я пойду туда так или иначе, с вашей подписью или без, и я предпочла бы с вашей.

Лебедев очень долго молчал.

Потом сказал:

— Варвара Николаевна. Вы знаете, почему я в феврале разрешил вскрывать стены?

— Потому что я попросила.

— Нет, — сказал Лебедев. — Потому что я сорок три года этого не делал, и за сорок три года моего не-делания человек по фамилии Корнеев просидел в палате на шесть мест. — Пауза. — Я больше не буду не делать.

Он выдвинул левый ящик стола и достал бланк.

— Пишите рапорт, — сказал он. — И позовите Морозову. Если мы туда полезем, у нас должно быть основание, а не любопытство.

Глава 2. Дело № 1. Запись 1134

Расшифровка архива Перова шла пятый месяц.

К июлю было готово около шести тысяч часов из девятнадцати — тридцать один процент. Машина переводила звук в текст, текст вычитывали четыре человека, и к июлю из этих четырёх осталось двое, потому что двое не выдержали. Они не выдержали не содержания. Они не выдержали однообразия: Перов за тридцать лет записал огромное количество разговоров про ремонт, про машины, про детей, про цены на бензин, и среди этого раз в сто часов попадалось то, из-за чего и велась расшифровка.

Расшифровщики называли это «изюм».

Надя Трошина нашла изюм двадцать шестого июля, в половине шестого вечера, и пришла с ним в кабинет номер семь, не постучав.

Ей было двадцать девять. Она пришла в Отдел в марте, и за четыре месяца у неё изменилась походка: она стала ходить быстрее и прямее, и Варвара это видела и ничего не говорила.

— Варвара Николаевна.

— Да.

— Запись тысяча сто тридцать четыре, — сказала Надя. — Пятнадцатое апреля девяносто пятого года.

Варвара отложила ручку.

Четырнадцатое апреля девяносто пятого года — это был день, когда на складе на Шмитовском проезде погиб её отец.

— Садись, — сказала она.

Надя села и положила на стол три листа.

— Это телефонный разговор, — сказала она. — Перов записывал на диктофон с присоской на трубку, звук плохой, с наводкой. Машина половину не взяла, я вычитывала вручную четыре часа. — Пауза. — Варвара Николаевна, там сто процентов одно слово я не разобрала. Я его оставила в квадратных скобках.

— Читай, — сказала Варвара.

Надя не стала читать вслух. Она развернула листы к Варваре и подвинула их.

Варвара посмотрела на первый лист.

ЗАПИСЬ № 1134

Носитель: кассета «Сони» С-90, сторона Б, положение 14:20–17:58.

Дата (по пометке на вкладыше): 15.04.95.

Участники: ПЕРОВ А. И. (далее П.) и неустановленное лицо (далее Н.).

Качество: низкое. Фоновая наводка 50 Гц. Второй абонент говорит через значительное расстояние.

П. Да.

Н. Это я.

П. Я ждал в десять.

Н. Я не мог в десять.

П. (пауза 4 с) Ну.

Н. Принято.

П. Сколько.

Н. Четыре.

П. Должно быть четыре.

Н. Четыре и есть.

П. (пауза 6 с) А по складу что.

Н. По складу — баллон. Как договаривались. Акт будет к пятнице, там Калинин пишет, он напишет что скажут.

П. Люди.

Н. Один.

П. (пауза 9 с) Один?

Н. Один, Аркадий Ильич. Я вам сразу сказал, что может быть один. Вы сказали — работай.

П. Кто.

Н. Волков.

П. (пауза 14 с) ...

Н. Аркадий Ильич.

П. Я слышу.

Н. Вы будете мне что-нибудь говорить?

П. Нет.

Н. Тогда я закончу. Принято четыре. Сдано туда же. Расписались, как всегда.

П. Кто расписался.

Н. А как всегда. Одна буква.

П. (пауза 7 с) Я вам в пятницу позвоню.

Н. Не надо мне звонить в пятницу. Я в пятницу буду в [НЕРАЗБ., 1 слово, два слога, второй под ударением] .

П. Хорошо.

Н. Аркадий Ильич.

П. Да.

Н. Вы меня спросили «кто». Я вам ответил. Больше вы меня никогда не спрашивайте «кто». Вам этого не надо.

(конец записи)

Варвара прочитала это один раз.

Потом второй.

Потом положила листы на стол, встала и подошла к стене со схемой метро пятьдесят четвёртого года, и стояла там, глядя в отклеившийся левый нижний угол, секунд сорок.

Надя не двигалась.

— Надя, — сказала Варвара, не оборачиваясь. — Сколько тебе лет.

— Двадцать девять.

— Ты знаешь, кто такой Волков.

— Я знаю, Варвара Николаевна, — сказала Надя. — Поэтому я пришла сама, а не положила в лоток.

Варвара обернулась.

— Спасибо, — сказала она.

Она вернулась к столу и села. Взяла первый лист и провела пальцем по строчке.

— «Сдано туда же», — сказала она. — Не «увёз», не «спрятал», не «перевёз на базу». «Сдано». Туда же. Значит, место существовало до этого и было известно обоим, и это не склад Перова.

— Я тоже так поняла.

— «Расписались, как всегда», — сказала Варвара. — Значит, там есть приёмка. Значит, там есть журнал. Значит, там кто-то сидит и принимает. — Пауза. — Надя, туда в девяносто пятом году можно было приехать ночью и сдать четыре единицы под роспись. Это не тайник. Это склад с кладовщиком.

— Да.

— И кладовщик расписывается одной буквой, — сказала Варвара.

Она посмотрела на лист ещё раз.

— «Как всегда — одна буква», — повторила она. — Надя, скажи мне, какая первая мысль.

— «О», — сказала Надя. — Олег.

— Первая мысль у всех будет «О», — сказала Варвара. — Вот это меня и смущает.

* * *

Вечером она достала из сейфа дело номер один.

Оно лежало там с июня двадцать шестого года, и в нём было уже не один лист, а двадцать девять: постановление Морозовой, копия заключения девяносто пятого года, схема склада на Шмитовском, протокол осмотра тридцать первого года давности, показания Корнеева от февраля двадцать седьмого на сорока минутах видео, расшифровка этих сорока минут, справка о пожаре, справка о Калинине (умер в двухтысячном втором, Калуга, рак), два запроса, два отказа.

И первый лист, подшитый в июне, печатными буквами:

«Я ИДУ ИСКАТЬ»

Варвара подшила расшифровку записи тысяча сто тридцать четыре тридцатым листом.

Потом взяла чистый бланк справки и написала на нём то, что следовало из записи, пункт за пунктом, своим мелким ровным почерком, который Лебедев называл аптекарским.

1. 14.04.1995 вечером на складе на Шмитовском проезде человек, не установленный, изъял четыре единицы и устроил пожар. Перов знал заранее и санкционировал («Вы сказали — работай»).

2. Гибель Волкова Н. А. не входила в задание и не была для исполнителя неожиданной («я вам сразу сказал, что может быть один»).

3. 15.04.1995, не позднее 14:20, четыре единицы были сданы в известное обоим место под роспись.

4. Место существовало ранее 1995 г. и имело режим приёмки.

5. Принимающий расписывался одной буквой, и это была постоянная практика («как всегда»).

6. Перов не знал и не хотел знать имени исполнителя. Исполнитель прямо запретил ему спрашивать.

Она остановилась и посмотрела на шестой пункт.

Потом дописала седьмой:

7. Перов боялся исполнителя. В разговоре 15.04.95 исполнитель говорит с Перовым как старший с младшим, хотя формально работает на него.

Варвара положила ручку.

На столе горела отцовская лампа с зелёным стеклом. За дверью в коридоре шёл Гоша с чем-то железным, и это железное у него один раз упало и он сказал слово.

— Ты туда поехал, — сказала Варвара вслух, негромко. — Ты убил человека, которого не собирался убивать, и поехал туда на следующий день, и у тебя там взяли четыре железки, расписались и дали тебе квитанцию.

Она закрыла дело.

— И это было в Москве, — сказала она. — И это было место, у которого нет адреса.

Глава 3. Зарядье

Четвёртого августа Варвара пришла в парк в семь утра.

Парк в семь утра был пустой и очень красивый. Над рекой стоял туман, низкий, по воде, и сквозь него было видно противоположный берег; по холмам шли тропинки, и на тропинках лежала роса, и всё это выглядело как место, куда специально приезжают, чтобы почувствовать себя хорошим человеком.

Варвара была в кроссовках, спортивных штанах и ветровке, с небольшим рюкзаком, и выглядела как женщина, которая бегает по утрам. Она действительно бегала по утрам, и это было единственное в её легендах, что никогда не приходилось изображать.

Она прошла парк из конца в конец четыре раза.

Она шла медленно, иногда останавливалась, иногда присаживалась завязать шнурок, и за два с половиной часа отметила в телефоне девятнадцать точек.

Она искала не вход. Она искала воздух.

Любое подземное сооружение, в котором что-то работает, дышит. Оно берёт воздух и отдаёт воздух, и у него есть приточные и вытяжные устройства, и их нельзя спрятать: их можно замаскировать под что угодно — под скульптуру, под решётку в газоне, под часть фундамента, под урну, — но они должны выходить на поверхность, и воздух из них идёт не той температуры, что снаружи.

В августе, в семь утра, при плюс семнадцати, это видно.

Варвара нашла четыре.

Первая: решётка в бетонной обойме, два на полтора метра, в северной части, за амфитеатром, в густом кустарнике, закрытая сверху деревянным настилом, по которому ходят. Воздух шёл вверх, слабый, ровный, и был холоднее наружного градусов на шесть; над решёткой при таком воздухе должна была бы собираться влага, и она собиралась: доски настила над самой решёткой были темнее.

Вторая: за зданием филармонии, в облицованной камнем стенке, прямоугольное отверстие с жалюзи, замазанными той же краской, что и камень. Воздух шёл внутрь. Приток.

Третья: в самой южной части, ближе к набережной, под склоном холма — бетонная конструкция, которую парк честно использовал как основание скамейки. На ней сидели люди и фотографировались. Из щели под скамейкой шёл воздух, и Варвара просидела на этой скамейке двадцать минут, положив руку на бетон.

Бетон был холодный.

В августе, в десять утра, на солнце, бетон был холодный, как в погребе.

Четвёртая была самая интересная.

Она была в стороне от парка — не в парке, а на Москворецкой набережной, в тридцати метрах от воды, в гранитном парапете: чугунная решётка на уровне тротуара, круглая, диаметром около шестидесяти сантиметров, какие ставят над ливнёвкой. Над ней лежал обычный городской мусор: пара пробок, окурки, бумажка от мороженого.

Варвара присела и завязала уже завязанный шнурок.

Из решётки шёл воздух.

Он шёл вверх, он был холоднее наружного градусов на восемь, и он имел запах.

Варвара знала этот запах.

Это не был запах канализации, подвала, плесени или реки. Это был запах холодильного машинного зала: металл, масло, сухая пыль с нагретых обмоток и слабая кислая нота антифриза. Так пахнет в компрессорной любого большого холодильника, и так пахло в холодном блоке под Рузой в декабре двадцать шестого года, и Варвара в декабре двадцать шестого года этот запах запомнила навсегда, потому что тогда ей было очень страшно.

Она сидела на корточках у решётки на Москворецкой набережной, в тридцати метрах от воды, на расстоянии трёхсот десяти метров от трансформаторной подстанции номер тысяча сто сорок два, и дышала.

Потом достала телефон и сфотографировала решётку.

Потом вынула из рюкзака обычный медицинский термометр на спирту — не электронный, электронный тут был хуже, — положила его на решётку, прикрыла сверху ветровкой и подождала восемь минут.

Одиннадцать градусов.

Снаружи было девятнадцать.

Варвара убрала термометр, встала и пошла по набережной в сторону моста, и на ходу написала сообщение Гоше:

«Четыре точки. Одна с запахом. Нужен анемометр, логгер на три суток и твои умные руки. Сегодня в семь у Марфы Семёновны».

Гоша ответил через девять секунд:

«анемометр есть. логгеров 6. руки умные есть но одни»

Потом ещё:

«варвара николаевна а что вы нашли»

Варвара остановилась на набережной и посмотрела на парк.

Было двадцать минут одиннадцатого, и парк уже наполнялся: по холмам шли люди, кто-то вёл за руку ребёнка, кто-то фотографировал стеклянную кору, на амфитеатре сидели и завтракали из пакета. По мосту, который висел над рекой и обрывался в воздухе, шла, наверное, сотня человек.

Под ними, на глубине от восьми до двадцати метров, работало сто восемьдесят киловатт.

«Дом, — написала Варвара. — Который не построили».

* * *

Мост она всё-таки прошла.

Он был странный и очень хороший. Он выходил с парка над набережной, перелетал её, уходил над водой и там кончался — не упирался ни в что, просто кончался широкой площадкой с перилами, за которыми была река и вид на Кремль.

Варвара дошла до конца и встала у перил.

Справа и слева от неё стояли люди и фотографировались. Девушка в жёлтом просила парня снять её «вот отсюда, чтобы сзади был собор». Мужчина лет шестидесяти в панаме объяснял мальчику, что вот здесь была гостиница, самая большая в Европе, и что он в ней один раз был, в восемьдесят втором году, на этаже у них стоял телевизор в коридоре.

Варвара посмотрела вниз.

Под мостом была вода, серо-зелёная, с рябью, и в ней отражалось небо.

Она подумала про проходчика Гуляева, которого нашла в фонде управления строительства три дня назад: Степан Фомич, двадцать девять лет, умер второго февраля пятьдесят третьего года в четыре часа десять минут, острая сердечная недостаточность.

Он работал в штольне в двухстах двадцати метрах от этого места, и сорок лампочек из сорока горело двадцать шесть, и ему в сентябре пятьдесят второго на инструктаже рассказали, как она выглядит.

— Высокая, — сказала Варвара вслух. — В белом. Волосы как в воде.

— Простите? — сказала женщина рядом.

Варвара обернулась.

Женщина была лет сорока, в соломенной шляпе, с телефоном в руке.

— Извините, — сказала Варвара. — Я сама с собой.

— А, — сказала женщина. Она явно хотела спросить ещё что-то и не решалась, и потом решилась: — Вы не могли бы нас сфотографировать? Нас трое, а руки короткие.

— Могу, — сказала Варвара.

Она сфотографировала их — женщину, её мужа и их сына лет двенадцати — на фоне реки и Кремля, и сделала четыре кадра, потому что в первых двух мальчик моргнул, и отдала телефон, и женщина посмотрела и сказала: «Ой, хорошо как», и они пошли.

Варвара постояла ещё минуту.

Потом пошла назад по мосту, и на середине достала телефон и написала Морозовой:

«Ева. Сколько человек в день проходит по парку в августе».

Морозова ответила через четыре минуты:

«По открытым данным — до 40 тысяч в выходной, 15–20 в будни. Зачем?»

Варвара стояла на мосту и смотрела на деревянный настил северной части, под которым была первая решётка.

«Затем, — написала она, — что если шахта номер три когда-нибудь потечёт как следует, у нас будет не дело, а катастрофа».

Морозова ответила одним словом.

«Потечёт?»

Варвара убрала телефон в карман и пошла к выходу, и по дороге ей навстречу поднималась экскурсия — человек двадцать, в основном пожилые, с наушниками на шнурках, — и впереди шла девушка лет двадцати четырёх, маленькая, в зелёной жилетке с эмблемой парка, с микрофоном у щеки, и говорила, оборачиваясь на ходу:

— …а вот под этим холмом, уважаемые гости, лежит стилобат гостиницы «Россия», а под ним — ещё кое-что, и про это кое-что я вам расскажу на следующей точке, потому что здесь шумно и вы мне не поверите…

Варвара сделала два шага и остановилась.

Экскурсия прошла мимо, обтекая её с двух сторон.

Варвара развернулась и пошла за ней.

Глава 4. Соня

Экскурсоводшу звали Соня.

Варвара узнала это через сорок минут, потому что Соня сама сказала группе: «Меня зовут Соня, если вы меня потеряете, ищите зелёную жилетку, я маленькая, но громкая».

Она действительно была громкая. У неё был голос, который ставят не в институте, а на работе: она говорила сильно, с нажимом на нужном слове, и умела замолчать посередине фразы так, что двадцать человек замирали.

Варвара шла с группой, держась сзади, и слушала.

Соня рассказывала правильно. Она рассказывала про постановление сорок седьмого года, про восемь зданий, про то, что седьмое — на Воробьёвых горах, университет, а восьмое должно было стоять здесь. Про архитектора Чечулина. Про котлован. Про то, что стальной каркас разобрали и часть металла ушла на стадион в Лужниках — тут группа ахнула, и Соня дала паузу ровно на столько, на сколько надо.

Потом про гостиницу. Про три тысячи сто восемьдесят два номера. Про пожар семьдесят седьмого года. Про снос.

А потом остановилась на дорожке у склона, собрала группу кольцом и сказала:

— А теперь то, из-за чего я вас сюда привела. — Пауза. — Уважаемые гости, у этого места есть легенда. Я обязана сказать, что это легенда, и что администрация парка относится к ней юмористически, и что я с администрацией согласна. Сказала. — Вторая пауза, короче. — Теперь слушайте.

И рассказала.

Варвара стояла и слушала её изложение.

Оно было такое:

С сорок девятого года, когда забивали сваи, рабочие стройки видели женщину. Высокую, выше обычного человека, в чём-то длинном и белом. Её видели в котловане, потом в штольнях, потом, когда стройку бросили, её видели сторожа на пустыре. Когда строили гостиницу — видели строители. Когда гостиница работала — видели горничные, слесари, лифтёры. Когда гостиницу снесли — видели рабочие сноса. Когда открыли парк — видят охрана и садовники.

Её называют восьмая сестра, потому что высоток семь, а она — та, которой не дали подняться.

Увидеть её издалека — ничего. Увидеть близко — плохо.

— А что значит «плохо»? — спросила женщина из группы.

— А это я вам не скажу, — сказала Соня. — Потому что если я вам скажу, вы мне не поверите, и будете правы. Поэтому я вам скажу другое. — Она обвела группу глазами. — Я работаю в парке третий год. Я собираю эту легенду как коллекцию. У меня записано тридцать один рассказ от живых людей, которые говорят, что видели её сами.

Группа загудела.

— Тридцать один, — повторила Соня. — С пятьдесят третьего года по двадцать пятый. Самому старому рассказчику было девяносто четыре, самому молодому двадцать два. Они друг друга не знают и жили в разных местах. — Пауза. — И теперь я вам скажу то, из-за чего я вообще этим занялась. Уважаемые гости, у меня в этих тридцати одном рассказе совпадает семь деталей из девяти. Семь. Из девяти.

Она подняла палец.

— Люди так не врут, — сказала Соня. — Я три года слушаю городские легенды, у меня их двести. Когда люди врут или путают, у них совпадает две детали, максимум три. Семь не совпадает никогда. — Пауза. — Вот это и есть самое интересное в этой истории. Не женщина. А то, почему все рассказывают одинаково.

И пошла дальше, и группа пошла за ней, переговариваясь.

Варвара стояла на дорожке.

* * *

Она подошла к Соне через двадцать минут, когда группа разошлась, а Соня сидела на бортике у фонтанчика, сняв жилетку, и пила воду из бутылки.

— Соня.

— Да? — Соня подняла голову и прищурилась. — Вы из группы?

— Я шла с вашей группой, — сказала Варвара. — Я не из группы.

— Это как?

— Я к вам пришла, а не к парку, — сказала Варвара.

Соня опустила бутылку.

Она была совсем маленькая — метр пятьдесят пять, может, — с короткими тёмными волосами и крупным, слишком крупным для такого лица носом, который ей очень шёл. У неё были очень внимательные глаза.

— Вы журналистка? — сказала она.

— Нет.

— С телевидения?

— Нет.

— Тогда вы из этих, — сказала Соня, и в голосе у неё появилась усталость. — Из уфологов. Или из этих, которые «энергетика места». Знаете, я вам сразу скажу, чтобы не тратить время: я к вам не поеду, я с вами не запишусь и я вам свои тридцать один рассказ не отдам. Я их три года собирала, и вы из них сделаете передачу про портал.

— Соня, — сказала Варвара. — Меня зовут Варвара Николаевна. Я работаю в архиве.

Соня молчала.

— В каком архиве?

— В закрытом, — сказала Варвара. — И я вам сейчас скажу одну вещь, и вы либо встанете и уйдёте, либо мы поговорим. — Пауза. — Вы сказали группе: совпадает семь деталей из девяти, и люди так не врут. Вы правы. Люди так не врут.

— Ну да, — сказала Соня. — Поэтому я и говорю, что это интересно.

— Люди так не врут, — сказала Варвара. — Но людям так рассказывают.

Соня очень медленно поставила бутылку на бортик.

— В каком смысле, — сказала она.

— В сентябре пятьдесят второго года, — сказала Варвара, — на объекте, который копал котлован, провели инструктаж для личного состава. Пришёл человек из управления, в пальто, и полтора часа рассказывал про восьмую сестру. Он описал её внешность: высокая, в белом, волосы как в воде. Проходчик Гуляев в тот день громче всех смеялся и сказал на обеде: «ну и напугали, тётка в простыне». — Варвара сделала паузу. — Второго февраля пятьдесят третьего года он её увидел на сто восьмидесятом пикете. И описал её теми же словами, которыми ему её описали за пять месяцев до этого. И в ту же ночь умер.

Соня сидела на бортике фонтанчика и смотрела на Варвару сверху вниз, хотя сидела, а Варвара стояла.

— Вы это откуда? — сказала она.

— Из дела, — сказала Варвара. — Оно лежит в подвале, в котором я работаю, и ему семьдесят четыре года.

Соня взяла бутылку, отпила, поставила.

Потом сказала:

— Семь деталей из девяти.

— Да.

— Потому что всем девяти… то есть всем тридцати одному — рассказали заранее одно и то же.

— Это моя версия, — сказала Варвара.

— Это не версия, — сказала Соня. — Это ответ.

Она вдруг встала, подняла жилетку с бортика и не надела, а стала её сворачивать, очень аккуратно, рукав к рукаву, и Варвара поняла, что ей надо что-то делать руками.

— Я три года, — сказала Соня. — Я три года, Варвара Николаевна. Я ездила в Нижний к одной бабушке. Я три раза ездила в Сергиев Посад. Я одного дядьку в Балашихе полгода уговаривала. И я три года думала, что у меня в руках что-то настоящее, потому что оно же не бьётся: тридцать один человек, разные годы, одинаковые детали. — Она подняла глаза. — А вы мне говорите, что это просто инструктаж.

— Я вам говорю, что инструктаж был в пятьдесят втором, — сказала Варвара. — Я не говорю, что он объясняет всё.

— А что он не объясняет?

Варвара посмотрела на склон холма, за которым стоял амфитеатр и под которым лежало то, что лежало.

— Он не объясняет, почему тридцать один человек из тридцати одного рассказывает это шёпотом, — сказала она. — И он не объясняет, почему те, кто видел её вблизи, умирают.

Соня перестала сворачивать жилетку.

— Так они правда умирают? — сказала она тихо.

— Соня, — сказала Варвара. — У меня к вам четыре вопроса, и один из них неприятный. Можно?

— Можно.

— Первый. Ваши тридцать один рассказ записаны?

— На телефон. И расшифрованы. У меня таблица.

— Второй. В таблице есть даты и места?

— Есть. Числа иногда примерные, люди не помнят. Места точные, я специально добивалась.

— Третий. — Варвара сделала паузу. — Сколько из этих тридцати одного человека живы?

Соня открыла рот и закрыла.

— Я... — сказала она. — Я не знаю. Я не проверяла. Я с некоторыми не общалась года два.

— Четвёртый, — сказала Варвара. — Неприятный. — Пауза. — Соня, вы её сами видели?

Соня очень долго молчала.

Мимо прошла женщина с коляской. В фонтанчике шумела вода.

— Нет, — сказала Соня.

— Соня.

— Нет, — повторила Соня. — Я не видела. — Пауза. — Я два раза видела, как кто-то выходил из-под земли.

Варвара не шевельнулась.

— Где, — сказала она.

— У набережной, — сказала Соня. — Внизу, у парапета. Там круглая решётка в тротуаре, как ливнёвка. — Она посмотрела Варваре в лицо и вдруг быстро сказала: — Вы знаете, где это, да? Вы уже там были. У вас лицо изменилось.

— Я там была сегодня в девять двадцать, — сказала Варвара. — Соня, расскажите мне про оба раза подробно. Не спеша. С самого начала.

— Прямо здесь?

— Здесь шумно, — сказала Варвара. — Вы когда заканчиваете?

— В шесть.

— В шесть на Китайгородском проезде стоит серая «Волга» двадцать четвёртой модели, — сказала Варвара. — За рулём будет старик семидесяти пяти лет, его зовут Сергей Семёнович. Он вас привезёт туда, где мне работать удобнее.

Соня посмотрела на неё.

— Варвара Николаевна, — сказала она. — Я очень трусливая. Я хочу это сразу сказать, чтобы потом не выяснилось.

— Это хорошо, — сказала Варвара.

— Почему?

— Потому что храбрые у меня уже были, — сказала Варвара. — Они плохо кончили.

Глава 5. Дело № 118. Лифт

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.